

Вдоволь натешившись над парнем, Се Янь выбрал в приложении подходящий кухонный фартук, оформил заказ и больше не стал задерживаться на кухне. Он переместился в гостиную, устроился на диване и полностью погрузился в свои дела.

Мужчина покинул диван и прошёл в столовую лишь тогда, когда Цуй Хао полностью закончил готовку и позвал его обедать.

Цуй Хао приготовил три блюда — самую простую, обычную домашнюю еду.

Он аккуратно наполнил пиалу рисом и поставил её прямо перед Се Янем, попутно судорожно соображая, как бы потактичнее завести разговор о тех самых пяти миллионах юаней.

В самом начале трапезы он так и не решился поднять эту тему. Лишь когда обед уже практически подошёл к концу, парень наконец издали закинул удочку:

— Господин Се, мне, скорее всего, нужно будет после полудня съездить на некоторое время домой. Но к вечеру я обязательно вернусь, чтобы приготовить для вас ужин.

— Хорошо, — без малейших возражений согласился Се Янь.

— В таком случае... — Цуй Хао выжидающе посмотрел на него. — Как насчёт тех пяти миллионов?

— Я отдам их тебе, когда ты вернёшься вечером, — мягко и спокойно произнёс Се Янь.

Цуй Хао мгновенно занервничал и заговорил с явной поспешностью в голосе:

— Но вы ведь сами обещали, что отдадите их сегодня! Вы ещё сказали, что скорость, с которой вы переводите деньги, способна только удивлять.

Се Янь снисходительно улыбнулся:

— Надо же, а ты, оказывается, весьма недурно запоминаешь мои слова.

Цуй Хао: «...»

— Господин Се, мне действительно до смерти нужны эти деньги прямо сейчас, — изо всех сил стараясь звучать убедительно, произнёс он.

— Я знаю. И что с того? — парировал Се Янь, вопросительно приподняв бровь.

От этого встречного вопроса Цуй Хао на секунду буквально опешил.

Он растерянно уставился на Се Яня. Выражение лица мужчины оставалось абсолютно невозмутимым, на нём не читалось ни капли неловкости или стыда за свои слова.

Он продолжал размеренно и неторопливо отправлять в рот кусочки еды, а его тон оставался предельно мягким и ровным:

— Я действительно сказал, что отдам их сегодня. Вот только сегодняшний день, насколько мне известно, ещё далеко не подошёл к концу. Разве я не прав?

Цуй Хао никак не ожидал, что события примут столь неожиданный и пугающий оборот. Он замер, во все глаза глядя на сидящего перед ним человека, а его сердце бешено заколотилось

от подступившего страха и дурных предчувствий.

В голове вихрем пронеслись панические мысли: «Что это значит? Я где-то допустил промашку и не угодил ему? Или Се Янь с самого начала просто-напросто цинично издевался надо мной?»

— Я не понимаю, — тихо, но твёрдо произнёс парень. — Какая разница, получу я их сейчас или только вечером? Для вас ведь нет никакого отличия.

Се Янь коротко усмехнулся:

— А разве этот вопрос ты не должен в первую очередь адресовать самому себе? Если никакой разницы нет, то почему ты так упорно требуешь их именно в эту минуту?

— Исключительно потому, что эти деньги жизненно необходимы моей семье.

— Нет, — Се Янь отложил палочки для еды и в упор посмотрел парню прямо в глаза. — Всё дело в том, что ты уже вложил в это дело, выполнил свою часть сделки, а потому подсознательно жаждешь как можно скорее получить причитающуюся тебе награду.

— Вот только скажи мне, Цуй Хао, с какой стати ты вообще вбил себе в голову, будто гарантированно получишь её?

В эту секунду Цуй Хао окончательно охватила паника. Он отказывался верить собственным ушам. Парень неотрывно смотрел на Се Яня, и в его глазах застыла немая, отчаянная мольба — он до ужаса боялся, что этот человек сейчас произнесёт слова, которые окончательно растопчут его жизнь.

Заметив эту неприкрытую мольбу в его взоре, Се Янь улыбнулся ещё шире и глубже:

— Знаешь, Цуй Хао, у меня сегодня на редкость паршивое... точнее, хорошее настроение, поэтому я, так и быть, преподам тебе парочку полезных жизненных уроков.

— Урок первый: когда ты имеешь дело с человеком, который несоизмеримо сильнее и влиятельнее тебя, ты обязан просчитывать абсолютно все риски и иметь железобетонные гарантии, а не слепо уповать на чужую милость и милосердие. Это твоя первая грубейшая ошибка.

— Урок второй: если противоположная сторона сама выступает инициатором сделки и предлагает условия обмена, это автоматически означает, что изначально именно ты находишься в выигрышной, ведущей позиции. Ты был обязан удерживать эту инициативу до последнего, а не бежать впереди паровоза, безропотно отдавая то, что принадлежит тебе, и добровольно превращая себя в бесправную, ведомую жертву. Это твоя вторая ошибка.

— И, наконец, урок третий: ты совершенно не умеешь разбираться в людях. Ты поленился разузнать, что за человек стоит перед тобой, годится ли он вообще в партнёры и стоит ли связываться с ним в финансовых делах. Из-за этой слепоты ты полностью выложил себя, но в итоге остался у разбитого корыта. Это твоя третья ошибка.

Се Янь сделал небольшую паузу и добавил:

— Нас абсолютно ничего не связывает юридически, нет ни единого свидетеля нашего уговора. Я уже получил от тебя всё, что хотел. Так ответь мне, Цуй Хао, с какой такой стати я должен

расставаться со своими деньгами и отдавать их тебе?

У Цуй Хао внутри всё похолодело, словно он заживо провалился под лед.

Он сидел бледный как полотно, неотрывно глядя на Се Яня, и не мог выдавить из себя ни единого звука.

Время в столовой словно остановилось и завязалось в тугой узел. Парень и в страшном сне не мог представить, что всё обернётся таким жутким крахом, и что Се Янь окажется настолько бесчеловечным и подлым мерзавцем.

— Ну вот и отлично. Я вижу, ты уже полностью оделся и готов к выходу, так что можешь быть свободен на все четыре стороны, — бросил Се Янь ледяным тоном.

В ушах у Цуй Хао раздался оглушительный, нарастающий гул.

Ему до смерти хотелось закричать: «Всё не так! Так нельзя! Это несправедливо!», но пересохшее горло намертво заклинило.

Се Янь был абсолютно прав в каждом своём слове: никто в этом мире не сможет доказать факт их сделки, и никто не придёт к нему на помощь.

Для такой монументальной фигуры, как Се Янь, растоптать и бросить обычного парня было сродни тому, как мимоходом раздавить мелкого муравья на асфальте. У Цуй Хао не было и сотой доли тех ресурсов, что требовались для борьбы с ним.

Но почему... почему судьба выбрала именно его? Неужели его нынешняя жизнь и без того была недостаточно кошмарной и разрушенной?

— Вы сейчас это серьёзно? — Цуй Хао в упор посмотрел на мужчину, и внутри у него в этот миг воцарилась глухая, мёртвая пустыня.

Се Янь лишь мягко улыбался в ответ, храня загадочное молчание.

Вся та хрупкая, иллюзорная нежность, что окутывала их прошедшей ночью, в одно мгновение испарилась без остатка. Всё, что происходило между ними, теперь казалось лишь затянувшимся, дурацким сном.

Вот только парень пока не мог разобрать: был этот сон кошмаром или же прекрасной сказкой.

Цуй Хао медленно поднялся со своего места. У него не было ни сил, ни желания вступать в заведомо проигрышный спор.

— Я всё понял, — едва слышно выдавил он.

Он не собирался строить из себя героя и прыгать выше головы, пытаясь противостоять Се Яню. Он и так впустую потратил целый драгоценный день, и у него просто не было морального права терять ещё хоть минуту времени.

Наблюдая за тем, как парень молча разворачивается и направляется к выходу, Се Янь тяжело и разочарованно вздохнул:

— А я-то наивно полагал, что ты хотя бы разозлишься ради приличия. Или попытаешься съездить мне по физиономии.

Цуй Хао оставил его реплику без ответа, упрямо продолжая шагать к дверям столовой.

— А ну-ка вернись, — скомандовал Се Янь.

Однако Цуй Хао даже не подумал замедлить шаг.

— Вернись, я кому сказал, Цуй Хао, — повторил Се Янь, и в его голосе проскользнули властные нотки.

Видя, что парень уже буквально занёс ногу над порогом столовой, Се Янь с обречённым видом запустил руку глубоко в карман своего белоснежного халата и извлёк оттуда тонкий прямоугольник пластика.

— На, держи. Здесь ровно пять миллионов. Код доступа — шесть четвёрок.

Цуй Хао в полнейшем изумлении резко обернулся и уставился на него круглыми, неверящими глазами.

На лице Се Яня снова играла его привычная, безмятежная и спокойная улыбка:

— Подойди ко мне.

Цуй Хао продолжал стоять на месте как вкопанный, не делая ни единого движения.

Он абсолютно не понимал этого человека. В его голове не укладывалось, какие скрытые мотивы преследует Се Янь и какую игру он ведёт на самом деле. Парень просто застыл посреди комнаты, не решаясь сделать ни шага вперёд, ни шага назад.

Видя его замешательство, Се Янь лишь покачал формой головы, поднялся из-за стола и сам неторопливо подошёл к нему, держа банковскую карту в руке.

Он властно перехватил ладонь Цуй Хао, силой раскрыл его пальцы и бережно вложил пластик прямо в его ладонь, после чего крепко сжал его кулак:

— Никогда не ввязывайся в дела с теми, кто заведомо сильнее тебя, без чётких гарантий. Никогда добровольно не отдавай бразды правления и инициативу в чужие руки. И никогда, слышишь, никогда слепо не доверяй первому встречному. Цуй Хао, хорошенько запомни то чувство паники, которое ты только что испытал, и намертво зазубри эти три правила.

Цуй Хао окончательно запутался:

— Зачем... зачем вы всё это устроили? Что это вообще значит?

— Исключительно то, что я решил немного тебя поучить, — с улыбкой пояснил Се Янь. — Разве я не сказал тебе об этом в самом начале? У меня сегодня прекрасное настроение, отчего бы не преподать дураку пару уроков жизни?

Он добавил:

— Ты ведь наивный как ребёнок, на тебе буквально написано, что тебя можно развести вокруг пальца в два счёта. Если ты выйдешь за порог этого дома таким тьюфяком, тебя первый же встречный прохиндей оберёт до нитки, а ты и заметить не успеешь.

Цуй Хао всё ещё пребывал в лёгком шоке:

— Но... к чему был весь этот спектакль?

— К тому, что я чертовски хороший актёр. Запомни, Цуй Хао: самые гениальные лицедеи никогда не снимаются в кино — они преспокойно живут среди нас в реальном мире.

Се Янь плавно притянул его к себе, мягко обнял за плечи и слегка похлопал по спине:

— Ну всё, прекращай дуться. Я готов признать, что мой метод обучения был излишне радикальным и жестким, но ведь согласишься — зато теперь ты запомнишь этот урок на всю оставшуюся жизнь. Разве нет?

— Иначе как бы я мог быть абсолютно уверен, что в следующий раз, когда на твоём пути встречается точно такой же тип, как я, ты не позволишь ему растоптать себя и обвести вокруг пальца?

Слушая эти путаные объяснения, Цуй Хао чувствовал, как вопросов в его голове становится только больше. «Такой тип, как он...» А какой он на самом деле?

Парень опустил взгляд на зажатую в руке банковскую карту:

— Здесь... действительно есть пять миллионов?

— Можешь проверить баланс в первом же банкомате прямо за воротами, — весело усмехнулся Се Янь.

Только после этих слов измученное сердце Цуй Хао наконец медленно вернулось на своё законное место.

Но стоило первому шоку пройти, как на душу парня невольно нахлынула глухая обида и детская горечь. Даже если Се Янь действительно руководствовался исключительно благими намерениями и искренне желал уберечь его от ошибок, в мире существовал миллион куда более гуманных способов донести свою мысль! Зачем нужно было выбирать именно этот — самый жестокий, болезненный и унижительный?

— Расстроился? — чутко уловил его настрой Се Янь.

Цуй Хао молча мотнул формой головы. Он слишком чётко осознавал свой нынешний статус в этом доме: он всего лишь живая игрушка, купленная за огромные деньги, а у купленных кукол нет и не может быть законного права на демонстрацию своего недовольства.

Се Яню ли было не знать, какие мысли сейчас роятся в этой юной голове.

— Ты искренне считаешь, что я просто-напросто жестоко поиздевался над тобой, верно? Думаешь, что из всех возможных вариантов я умышленно выбрал самый изощрённый — сначала подарил тебе огромную надежду, а в следующую секунду безжалостно растоптал её, упиваясь твоим отчаянием. Я угадал?

«А разве всё было не так?» — мысленно пронеслось в голове у Цуй Хао.

Се Янь тяжело вздохнул и с иронией произнёс:

— Знаешь, если бы кто-то вызвался выложить пять миллионов юаней за то, чтобы вот так знатно поиздеваться надо мной... я бы без малейших колебаний согласился пережить это хоть десять раз подряд.

Этот внезапный, циничный аргумент сокрушительным ударом обрушился на всю меланхолию Цуй Хао, и парень, не выдержав, прыснул со смеху.

Ему в ту же секунду вспомнился шуточный спор, который они совсем недавно вели с ребятами в комнате общежития. Один из соседей тогда спросил: «Если бы вам предложили круглую сумму в один миллион юаней за то, чтобы выписать сочную затрещину собственному соседу по комнате, как бы вы поступили?»

И что же Цуй Хао ответил ему тогда? Он без тени сомнения заявил: «Если я промедлю с ответом хотя бы на одну несчастную секунду, это будет верхом неуважения к целому миллиону юаней!»

А его сосед оказался ещё более практичным парнем, тут же подставив лицо: «У меня щеки большие, бей прямо сюда! За такие бабки я готов вытерпеть как минимум сотню ударов!»

— Получается, вы действительно... вовсе не собирались глумиться надо мной? — уже более спокойно спросил Цуй Хао.

— Разумеется, нет, — с улыбкой подтвердил Се Янь.

В глубине души он, конечно, прекрасно понимал, что так или иначе разыграл Цуй Хао. Вот только это шутовство началось вовсе не сегодня и не в этой столовой — оно зародилось в тот самый миг, когда он впервые возник на жизненном пути этого парня и сделал ему предложение о сделке, которой в нормальном мире вообще не должно было существовать.

А что касается того, почему он сегодня внезапно разразился этими длинными нотациями и решил поиграть в мудрого наставника... Что ж, Се Янь пришёл к выводу, что он, должно быть, просто слишком сытно пообедал, отчего его неожиданно потянуло на благотворительность и проявление редкого великодушия.

Мужчина дружески обнял Цуй Хао за плечи и увлёк его обратно к обеденному столу.

Цуй Хао бросил мимолётный взгляд на его халат, сообразив, что Се Янь только что извлёк карту прямо из его глубокого кармана. Это могло означать лишь одно: мужчина целенаправленно положил пластик туда ещё до того, как спуститься на первый этаж. Он с самого начала твёрдо намеревался отдать эти деньги.

Когда все кусочки мозаики наконец сложились в голове, остатки горькой обиды в сердце Цуй Хао окончательно растаяли, уступая место облегчению.

— Если вы в следующий раз снова решите преподать мне какой-нибудь жизненный урок, не могли бы вы обойтись без использования столь экстремальных методов? — предпринял робкую попытку парень.

Се Янь весело рассмеялся:

— Ты что, всерьёз считаешь, что у нас будет следующий раз?

Цуй Хао уверенно кивнул головой.

Его реальный жизненный опыт был ничтожно мал по сравнению с багажом знаний Се Яня, да и в финансовом плане они находились в абсолютно разных весовых категориях. В каком-то смысле то, что человек подобного уровня и статуса соглашался делиться с ним мудростью и

наставлять на путь истинный, было для Цуй Хао огромным благом.

Вот только форма подачи материала ему категорически не нравилась. Урок, спору нет, врезался в память намертво, но и нервных клеток выжег немало.

— Я ведь и сам прекрасно понимаю, что соваться к людям, с которыми ты не в силах конкурировать — верх глупости, ведь в случае малейшего шторма ты пойдёшь на дно первым. Но у меня просто не оставалось иного выхода. И я отлично знаю, что в любых делах нужно всегда держать инициативу в своих руках. Вот только, господин Се, в нашей ситуации время играло против меня, петля на шее затягивалась слишком быстро, а потому я изначально был обречён потерять эту самую инициативу. А что касается неумения разбираться в людях...

Цуй Хао открыто посмотрел на него:

— Я действительно до сих пор не могу разгадать вас до конца. Но сам факт того, что вы сейчас стоите здесь и тратите время на эти объяснения, для меня является главным доказательством того, что вы, господин Се, на самом деле очень хороший человек.

Се Янь от души расхохотался, словно услышал самую нелепую и смешную шутку в своей жизни.

— Ты серьёзно считаешь меня хорошим человеком?

— Вы полностью сдержали своё обещание, выплатили деньги до копейки, да ещё и предостерегли меня от будущих ошибок. Разве этого недостаточно, чтобы считаться хорошим?

Се Янь со вздохом покачал формой головы:

— Вот видишь, это как раз то, о чём я тебе говорил: ты абсолютно не умеешь читать людей.

Цуй Хао слегка нахмурил брови, но предпочёл промолчать.

Ему ещё никогда в жизни не доводилось встречать человека, который бы с таким упорством и наслаждением очернял самого себя. Если Се Янь не был хорошим человеком, то кем он тогда являлся? Настоящим злодеем? Но с какой стати законченному негодю тратить время на чтение нотаций какому-то студенту, и уж тем более — добровольно вручать ему баснословную сумму в пять миллионов юаней?

— Ты можешь всё прекрасно понимать на теоретическом уровне, но в тебе напрочь отсутствует необходимая жёсткость и хватка. Именно поэтому твои знания так и остаются мёртвым грузом в голове, вместо того чтобы трансформироваться в реальную выгоду, — безжалостно прервал его размышления Се Янь.

Цуй Хао промолчал. Он и сам прекрасно знал, что никогда не отличался пробивным, жестким характером.

— Но ведь обычному человеку чертовски трудно проявлять жёсткость и качать права перед тем, кто заведомо сильнее и авторитетнее него, разве нет? — резонно возразил он.

— Разумеется, трудно. Но для этого и существует умение играть на публику — нужно хотя бы для вида соорудить уверенную гримасу, — парировал Се Янь. — Ты ведь у нас профессиональный актёр, как так вышло, что ты даже примитивно притворяться не умеешь?

Цуй Хао: «...»

Цуй Хао со вздохом посмотрел на него:

— Неужели вы до сих пор не в курсе, как обстоят мои дела на актёрском поприще?

Се Янь примиряюще улыбнулся:

— Ну, кое-какие обрывочные сведения до меня доходили, но подробностей я не знаю.

Ему было известно лишь то, что парень, подавшись в актёры, так и не сумел заработать приличных денег, равно как и не обзавёлся влиятельными друзьями среди знаменитостей, у которых можно было бы без проблем перехватить нужную сумму.

Выслушав его, Цуй Хао немного помолчал, а затем решил честно поделиться своей историей:

— Агентство, с которым я заключил контракт, весьма посредственное, да и мой личный менеджер — самый обычный человек, без особых связей.

Изначально он вообще не планировал связывать свою жизнь с киноиндустрией. Как и большинство его однокурсников, Цуй Хао рассчитывал после получения диплома найти стабильную работу в какой-нибудь солидной компании и спокойно трудиться на благо общества.

Но судьба распорядилась иначе. Однажды на территорию их университета приехала съёмочная группа для записи натуральных сцен, и он чисто случайно, по глупому стечению обстоятельств, пересёкся там со своим будущим агентом.

Тот вцепился в него мёртвой хваткой, принялся активно зазывать в индустрию и расписывать его будущее исключительно в радужных тонах, суля золотые горы. Цуй Хао, конечно, не был дураком и не повёлся на эти сказки о мгновенном успехе, но в то же время он прекрасно понимал: звёзды экрана зарабатывают в разы больше, чем рядовые офисные клерки.

Его родители ушли из жизни слишком рано, оставив их с сестрой выживать вдвоём в этом огромном мире. Они оба сполна хлебнули нищеты и лишений, а потому изо всех сил грызли гранит науки с одной-единственной целью — пробиться в люди, заработать денег и обеспечить себе жизнь, которая была бы хоть чуточку сытнее и благополучнее их сиротского детства.

Именно поэтому Цуй Хао, взвесив все «за» и «против», после долгих колебаний всё же поставил свою подпись на официальном бланке и стал профессиональным артистом.

Агент, надо отдать ему должное, честно выполнил свою часть уговора и сразу же выбил для него роль в одном проекте. В тот вечер его соседи по комнате в общежитии даже устроили бурную пирушку, наперебой подначивая его популярной фразой: «Если разбогатеешь — не смей забывать старых друзей!»

Вот только, к огромному сожалению, тот сериал с треском провалился в прокате, не оставив после себя даже бледного следа, да и сам рынок оказался абсолютно равнодушен к актёрам его типажа.

Современные юные фанатки поголовно сходили с ума по утончённым, холёным «прекрасным принцам» с идеальным макияжем, в то время как Цуй Хао представлял собой классический тип открытого, спортивного и мужественного парня. Вдобавок ко всему, объектив камеры был

к нему безжалостен — на экране он выглядел далеко не так эффектно, как в реальной жизни. Менеджер, быстро осознав, что этот проект не принесёт ожидаемых дивидендов, стремительно охладел к своему подопечному и постепенно пустил его карьеру на самотёк.

Сам же Цуй Хао за всё это время так и не сумел обзавестись в этих кругах ни полезными связями, ни влиятельными покровителями.

И вышло так, что со стороны его профессия казалась невероятно прибыльной и престижной, а на деле в его карманах гулял свистящий ветер.

Закончив свой рассказ, Цуй Хао испугался, что Се Янь может расценить это откровение как тонкий намёк на просьбу поделиться ресурсами или продвинуть его по карьерной лестнице, поэтому поспешно добавил:

— Впрочем, в шоу-бизнесе крутятся тысячи людей, и кому суждено стать звездой, а кому нет — это вопрос чистой удачи и судьбы. Видимо, мне просто не суждено. Ну и ладно, в этом есть свои плюсы: как только срок моего контракта подойдёт к концу, я со спокойной совестью вернусь в нормальный мир и устроюсь на обычную работу. Меня всё равно никто в лицо не знает, так что смогу преспокойно ходить в офис, не опасаясь лишнего внимания.

Се Янь коротко усмехнулся:

— А ты, я погляжу, умеешь философски относиться к неудачам.

Цуй Хао действительно научился смотреть на вещи проще, ведь какой смысл был рвать на себе волосы из-за того, что ты не в силах изменить?

К огромному счастью, подписывая тот злополучный контракт, он проявил юридическую грамотность и настоял на включении пункта о минимальном фиксированном окладе. Благодаря этой лазейке, даже сейчас, не имея вообще никаких съёмов и предложений, он стабильно получал от агентства пять тысяч юаней каждый месяц.

Для Цуй Хао это были весьма приличные деньги — в конце концов, его старшая сестра, вкалывая с утра до вечера, зарабатывала примерно столько же.

Как говорится, помяни чёрта — он и появится. Стоило ему подумать о сестре, как в кармане джинсов коротко завибрировал телефон. Цуй Хао достал гаджет и увидел сообщение в WeChat от Цуй Юэ.

Она наконец прочитала его утреннее послание и набрала ответ: «Хорошо, поняла. Как соберёшься ехать обратно, не забудь черкнуть мне пару строк, чтобы я знала».

Цуй Хао быстро отстучал пальцами: «Угу».

— От кого весточка? — бесстрастно поинтересовался Се Янь.

— От сестры, — Цуй Хао поднял на него глаза.

Се Янь понимающе кивнул:

— Тебе ведь понадобилась эта баснословная сумма именно из-за её ребёнка?

— Да, — абсолютно честно признался Цуй Хао. — Мой племянник Цуй Цуй тяжело болен, ему требуется сложнейшая и очень дорогая операция. Так что эти деньги, которые вы мне дали,

без преувеличения стали для всей нашей семьи настоящим спасением.

Се Яню, по большому счёту, было глубоко плевать на чужие жизни и страдания, но в этой истории его внимание привлекла одна забавная лингвистическая деталь. Он с любопытством спросил:

— Цуй Цуй? Получается, имя твоего племянника как-то связано с фамилией твоей сестры?

Цуй Хао утвердительно кивнул головой:

— Сочетание фамилий отца и матери — Янь и Цуй — звучало слишком грубо и топорно. Поэтому сестра изначально хотела дать ему имя Цуй [□], которое означает «собирать, экстрагировать» — она искренне надеялась, что малыш вберёт в себя всё самое лучшее от обоих родителей. Но Цуй Цуй родился очень слабым и болезненным ребёнком, поэтому позже они решили сменить иероглиф на созвучный Цуй [□], в написании которого присутствует ключ «огонь». Сестра очень хотела, чтобы искра его жизни разгорелась с новой силой и пылала ярким, неугасимым пламенем.

Дойдя до этого момента в своих объяснениях, Цуй Хао вдруг по ассоциации вспомнил имя самого Се Яня. Его личное имя Янь [□] было довольно редким в обиходе и состояло сразу из трёх иероглифов «огонь». Должно быть, его собственные родители в своё время точно так же страстно желали, чтобы священный огонь его жизни никогда не угас.

Увлёкшись этой мыслью, он, сам того не замечая, озвучил свои соображения вслух.

Се Янь от этих слов внезапно разразился коротким, резким смехом, словно услышал самую нелепую глупость на свете:

— Священный огонь жизни никогда не угаснет?

В его улыбке в этот момент сквозило откровенное презрение, смешанное с его привычной, убийственной красотой:

— Надо же, Цуй Хао, а ты, я погляжу, мастер примерять чужую шкуру на себя и судить о людях по собственным меркам.

Цуй Хао растерялся от такой реакции:

— Разве я не прав? Или в это имя заложен какой-то иной, гораздо более глубокий смысл? — Парень жутко смутился. — Простите, я просто судил по тем мотивам, которыми руководствовалась моя сестра, когда нарекала сына. Возможно, моё предположение действительно прозвучало глупо и поверхностно, извините.

Се Янь лишь загадочно улыбнулся в ответ. На самом деле он и сам понятия не имел, по какой такой причине ему дали именно это имя.

Его мать ушла из жизни слишком рано, так и не успев ничего ему объяснить. А что касается его так называемого законного отца... да кто он вообще такой и какое право имеет этот человек истолковывать мотивы и решения, которые когда-то принимала его покойная мать?

Впрочем, Се Янь тут же мысленно одёрнул себя: не только его отец, но и он сам — кто он вообще такой, чтобы сидеть здесь и пытаться разгадать, какой именно смысл его мать вкладывала в эти три знака огня?

Если взглянуть на ситуацию под этим углом, то версия, озвученная Цуй Хао через призму мыслей Цуй Юэ об огне в имени маленького Янь Цуя, выглядела куда более убедительной и чистой.

По крайней мере, обе эти женщины были матерями.

В эту минуту в черствой душе Се Яня впервые за долгое время шевельнулись редкие капли искреннего сострадания и подлинного великодушия.

— Возвращайся домой и проведай своего племянника, — негромко произнёс он. — Если вдруг окажется, что одними деньгами эту проблему не решить, дай мне знать. Я подниму связи и помогу перевести мальчика в нормальную, высококлассную клинику.

Цуй Хао от неожиданности буквально засиял от счастья и принялся без умолку тараторить:

— Спа... Спасибо! Огромное вам спасибо, господин Се!

Если такой влиятельный человек, как Се Янь, добровольно согласится вмешаться и оказать поддержку, то его маленькому племяннику практически гарантировано стопроцентное выздоровление.

Ведь в нашем мире существуют такие светила медицины и специализированные клиники, двери которых остаются наглухо закрытыми для простых смертных, даже если те принесут с собой чемоданы, туго набитые наличными деньгами.

Цуй Хао был настолько переполнен ликованием, что решительно не находил подходящих слов для выражения своего восторга. Он уже мысленно рисовал в голове картины того, как бурно будут радоваться этой новости его старшая сестра и зять.

За последний месяц вся их семья превратилась в сущий ад, они из кожи вон лезли, пытались раздобыть средства на спасение ребёнка.

Сестра с мужем, обойдя всех возможных родственников и знакомых и собрав по крохам всё, что можно было занять, устроились сразу на несколько подработок. Они вкалывали на износ, стремясь каждую свободную минуту своей жизни конвертировать в звонкую монету.

Родители Цуй Хао покинули этот мир, когда он учился ещё в средней школе, и Цуй Юэ фактически в одиночку тянула его на себе, заменяя мать и отца, пока он не вырос. Позже она вышла замуж за Янь Фэна, и тот с первого дня отнёсся к шурину как к родному младшему брату. А маленький Цуй Цуй и вовсе вырос буквально на глазах у Цуй Хао.

Именно поэтому парень чисто физически не мог оставаться в стороне и безучастно наблюдать за тем, как угасает жизнь его любимого племянника. Особенно после того, как судьба в лице Се Яня вложила в его пальцы ту самую заветную визитку.

Но теперь всё самое страшное позади. Цуй Хао с облегчением подумал, что Цуй Цуй теперь обязательно будет спасён, а жизнь его сестры и зятя наконец-то сможет вернуться в привычное, спокойное русло.

А что касается его самого... Парень украдкой бросил короткий взгляд на сидящего рядом Се Яня.

По правде говоря, этот мужчина не вызывал у него какого-то осознанного отторжения или

неприятни. Се Янь был невероятно молод, чертовски красив собой и, если отбросить его специфические шуточки, относился к нему весьма неплохо.

Цуй Хао мысленно успокоил себя: ему нужно просто в корне изменить своё отношение к происходящему. Стоит лишь представить, будто на этот ближайший год он просто завёл себе потрясающего парня, с которым они в силу обстоятельств гарантированно расстанутся ровно через триста шестьдесят пять дней — и всё сразу встанет на свои места!

У него появился сногшибательный, роскошный бойфренд, который к тому же выдал ему баснословные отступные в размере пяти миллионов юаней за грядущее расставание. Как ни крути, а он в этой сделке уж точно не остался в проигрыше.

Окрылённый этими приятными мыслями и согретый обретённым спокойствием, Цуй Хао в прекрасном расположении духа покинул загородную виллу Се Яня.

<http://bllate.org/book/17744/1660400>